

Андрей Пермяков

Постапокалипсис без апокалипсиса

Юлий ГУГОЛЕВ. Волынщик над Арлингтоном: 2019—2020. — М.: ОГИ, 2020.

Совсем недавно, 22 мая 2021 года, фотограф и обозреватель Алексей Наседкин написал в своем блоге по поводу вечера, состоявшегося в Сахаровском центре: «К своему стыду, я вообще не знал, что Гуголев пишет стихи. Да еще такие убойно-талантливые, с довольно сложными строфическими конструкциями. Видел его только как гастрономического обозревателя на ТВ. В общем, обязательно почитайте»¹. Тут впору было бы вспомнить шутку начала века про блондинку и Макаревича: мол, этот телеведущий еще и песни поет? Только не хочется. Тем паче, Андрей Макаревич тоже участвовал в том вечере.

Подойдя к делу серьезно, можно посетовать на фрагментарность пейзажа и сбой всех фокусировок, когда даже заинтересованный, не чуждый поэзии человек, разбирающийся в ритмических конструкциях, коллега Юлия Гуголева по медицинской стезе, блогер², интересующийся разными аспектами современного искусства, весьма странно отражает роль автора в актуальной культурной ситуации. Притом — автора, только что получившего весьма значимую и даже нашумевшую премию «Поэзия».

Но лучше вспомним другое: формальный дебют Гуголева, состоявшийся двадцать лет назад благодаря книге «Полное. Собрание сочинений», дебютом в полном смысле не был. Автора к тому времени хорошо знали, журналы публиковали его стихи более десяти лет, и сборник лишь зафиксировал литературную состоятельность поэта. Спустя шесть лет вышли «Командировочные предписания», получившие большую премию «Московский счёт», еще через четыре года — весьма замеченный критикой «Естественный отбор», а после наступило книжное молчание на десять лет. То есть автор не старался мелькать в медийном пространстве. Скорее, наоборот.

Зато в 2019—2020 годах Юлий Гуголев выпустил сразу три новинки. Собрание палиндромов, озаглавленное «252»³, мы на сей раз оставим вне пределов рассмотрения, а две другие книжки прочтем внимательно. Особенно, конечно, свежайшую: «Волынщик над Арлингтоном». Но сначала обернемся во времени чуть назад.

Нечастый выход книг, не слишком регулярные публикации в «Журнальном зале» давали возможность внимательного наблюдения за текстами поэта и фиксации перемен. Думаю, не для одного меня очевидными те перемены стали с выходом стихотворения «Не дверцу шкафчика, но в целом Сандуны...»⁴. Именно за него

¹ <https://nasedkin.livejournal.com/2442563.html>

² Само по себе понятие «блогер» имеет, согласимся, странный статус, хотя по некоторым версиям, этот подвид деятелей культуры уже лет десять как стал наиболее влиятельным среди прочих.

³ 252 / Художник Олег Добровольский. — М.: Воймега, 2019.

⁴ Юлий Гуголев. «Не дверцу шкафчика, но в целом Сандуны...» — «Интерпоэзия», 2015, №3.

Гуголев несколько позже получил премию «Поэзия», но дело не в этом. Дело в том, сколь интересно новый текст сразу и взаимодействовал с одним из самых известных стихотворений автора «Папа учил меня разным вещам...», и сущностно контрастировал с ним. По этому поводу я написал отдельную заметку¹.

Вкратце ее содержание было таковым: и мир советского детства, и последующие эпохи всегда представляли в стихах Гуголева изрядно перекошенными, но все искупала совершенно раблезианская витальность, дававшая премногие надежды к исправлению сущего. В рецензии на самую первую книгу поэта Данила Давыдов писал: «Лирический герой Гуголева — тело, но это тело лишено каких-либо низких значений, оно самоценно и самодостаточно»². А много позже Мария Ватутина сказала, что о войне Гуголев говорит «...через непритязательный диалог оставшихся в живых косноязычных хмельных дембелей, недобрый словом вспомнивших товарища, отлынивающего от застолья... А о жизни и смерти через полную физиологическими подробностями историю про выезд наряда "скорой помощи" к старушке, к которой, казалось бы, автор и не собирается вызывать сочувствие... А получается из этого: баллада о хрупкости мира и неразумных воинственных детях этого мира (Что тебе еще надо? Что вам/ всем ещё надо?! Какой защиты?); ностальгия сына по отцовскому присутствию в жизни; рассказ о телесном пребывании человека на земле; горькие слезы над безвестной умирающей мученицей и ее беспомощными и не менее несчастными лекарями. Здесь усматривается следующий прием: желаемого смысла и эффекта автор достигает через обратное, через заземление повествования...»³.

Соответственно, стихотворение «Папа учил меня разным вещам...» Ватутина в той же рецензии весьма точно охарактеризовала как попытку «вырастить колосок путем вытягивания ростка из земли»: мол, папа допускает педагогические ошибки из слишком косных убеждений и чужих установок, однако ошибки те не фатальны и вообще — жить можно. В «Сандунах» же весьма неприятно выглядит сама условная «земля». То есть человеческая почва, откуда произрастают отношения и взаимодействия. Дело, упаси бог, не в физическом убожестве. Оно нормально, стандартно, нестыдно. Стыдной вдруг делается система общения, построенная на обмане, практически не осознаваемом носителями этого общения, людьми, весьма близкими лирическому герою — хотя бы по праву родства:

<...>
они сидят на влажных простынях,
раскинувшись, как баре на снях,
рвут плавничок, сдувают пену ловко
среди багровых и счастливых рож.
— Эй, Юликатый, ты чего не пьешь?!
И дед Аркадий, тяпнув «Жигулёвского»,
знай себе крикает. И миром правит ложь.

Половинка строки из этого стихотворения дала название следующей книге Гуголева: «Мы — другой»⁴. Естественным было искать в сборнике развития мыслей и общего настроения, возникшего в тексте про знаменитые на всю Москву общественные бани, однако все оказалось иначе. Настрой «Другого» вполне соответствовал устоявшейся стилистике Гуголева. Разумеется, с нюансами, обертонами, развитием. Но это были, скорее, перестроения из ряда в ряд, чем резкий поворот. Мир все так же изобиловал странноватой пищей и детскими бедами — в том смысле, в каком все беды детские.

¹ Андрей Пермяков. О двух стихотворениях Юлия Гуголева. — «Вопросы литературы»: «Лёгкая кавалерия», 2021, № 1.

² Данила Давыдов. Немоты полночное пение. — Vesti.ru, 30.05.2020.

³ Мария Ватутина. Переворот: О поэзии Юлия Гуголева. — «Октябрь», 2008, № 3.

⁴ Юлий Гуголев. Мы — другой. — М.: Новое издательство, 2019.

То есть, неизбывные и навеки. Тем более, идиотизмы советского детства вполне реальны; они весьма шокируют даже по нынешним не самым человечным временам:

Манная — на завтрак. Рыбный — на обед.
 Что-нибудь творожное — на полдник.
 Тех, с кем это жёвано, рядом больше нет.
 Может, вам о чём оно напомнит.

<...>

Мама дорогая, видишь из окна,
 что твой сын не прятался в сугробе,
 и теперь Анфиса Владимировна
 бьёт его при всех по голой попе.

Смейтесь, Вова Зинин и Митя Грамаков!
 Смейся с ними, Лёша Харитдинов!
 Будто вы не знаете, этот мир каков,
 детства не прожив до середины.

<...>

.....
 Вы ж всё время думали, что я вам про еду.
 Я и жил, во всём вам потакаяя.
 Я ж не про еду. Я ж вам — про беду.
 Ай, беда-беда-беда какая!

Вроде и больно, а вроде и привычные чебуреки, и «пирожок Налётовой Милены» опять дают надежду на *относительно бесконечное* продолжение банкета. Особенности и тонкости сборника «Мы — другой» заслуживают разговора, но все-таки «Волынщик над Арлингтоном» вышел позднее, автор включил в него стихи, написанные совсем недавно, в 2019—2020-м годах, хотя раньше подобной скоростью публикаций не отличался, и, главное, — контраст с предыдущим творчеством оказался почти разительным.

Много лет назад в рецензии на книгу «Естественный отбор» Кирилл Корчагин писал: «...само переключение из комического регистра в трагический (или трагикомический) характерно вовсе не только для Гуголева. Но здесь интересна связь "взрослого" мира с угасанием, полностью отсутствующая в стихах о детстве. С другой стороны, движение времени оказывается циклическим: умирание само оказывается связано с детством — и действительно, едва ли рай возможен на земле. Так и смерть обращается к человеку с подчеркнуто отеческой нежностью»¹.

А теперь все стало как-то жестче, быстрее и необратимей:

* * *

Ни предьяв, ни мольбы, ни укора
 затаённого хамства в душе.
 Просто чувство такое, что — скоро,
 ощущение, что вроде — уже.

Ни обиды, ни слёз, ни упрёка,
 вот активы твои и счёта,
 только что в них теперь тебе проку,
 утекает сквозь пальцы тшета.

Ты всегда говорил, так бывает,
 и условия эти просты:
 в нек'т'ром смысле вина убывает,
 если ты в нек'т'ром смысле — не ты.
 <...>

¹ Кирилл Корчагин. Эсхатология шашлычной колбаски. — «Новый мир», 2011, №1.

Что там шьёт на суровую нитку,
 оверложит гнилые края?
 Я бы рад прекратить эту пытку,
 но и я в нек'т'ром смысле — не я.

Беспокоиться вовсе нет толку:
 как-нибудь, потихоньку, то-сё.
 Просто чувство уже, что — недолго.
 Ощущенье такое, что — всё.

В той же рецензии Корчагин упоминал некоторые истоки гуголевской поэтики и положение носителя этой поэтики среди коллег: «Еще в восьмидесятые поэт был близок к московскому клубу "Поэзия", объединявшему авторов самых разных направлений в диапазоне от Игоря Иртеньева до Нины Искренко. В очень условном смысле Гуголев занимает промежуточное положение между этими двумя фигурами».

Разумеется, поэт обитает не в одномерном пространстве, расположенном вдоль некоторой оси, векторов движения много, в значительной мере автор сам порождает их. Но относительно упомянутых собратьев-поэтов сдвиг в сторону Иртеньева очевиден. Знакомая вполне личина усталого и сущемудрого циника. В чем причина? Проще всего, конечно, связать перемены стиля с изменениями авторской личности и несущего ту личность организма:

* * *

То тут кольнёт, то там стрельнёт,
 то вдруг не к месту вздыбится,
 а в результате через год
 покатится, посыпется,

серьёзный примет оборот,
 совсем другим окажется...
 А говорили, что пройдёт,
 забудется, уляжется.

Вариант с переносом в строки личных бед и страхов автора хороший, но уж слишком наивный. Тем более, в другом тексте Гуголев пишет:

В этом смысле я не ах,
 хоть и с виду сокол,
 не увидишь на руках
 палочек и стёкол.

Вообще-то уже из процитированных строк мы видим, сколько в новой книге «прежнего» Гуголева: фонетические просторечия, контракция согласных, скрытая цитатность и центонность. Игра с медицинскими терминами: «палочки и стекла» — симптомы сердечных и прочих неполадок. А еще — традиционно много посвящений, много разной еды, вкусной и не слишком. Много образов, связанных со взаимным пожиранием и поглощением:

У волка тамбовского окорок
 тамбовского волка в зубах.

Мрачновато? Так у Гуголева и медицинские образы часто были профессионально-фатальными. Таковыми и пребывают:

Эх, вы мои трупы-трупы-трупки.
 В животах всё бинтики да трубки.
 На котлетах ромбики да кубики.
 Капельки воды на мясорубке.

Нет, все это, в сущности, осталось привычным. Изменилось другое. Из малозначительного — чуть менее разнообразными сделались ритмы и не раз уже помянутая строфика. Но это явление сиюминутное: стихи, вошедшие в книгу, были написаны сравнительно быстро, а любому автору, даже самому искусному, свойственны периоды, когда пишется именно вот так, а не иначе.

Принципиально иное: жуть поселилась в звуках мира. Даже в пении синичек.

Кстати, синички населяют книгу весьма плотно. Они тут — из главных персонажей. Наряду с таджиками, комарами и сочетанием звуков «тщ»: вотще, тщета, тщание. Как в следующем сонете:

* * *

Радость, тщета и тщание
ревности и отваги, —
иллюзия содержания
слов на листе бумаги.

Разве имеет значение
во тьме среди снов летящих
иллюзия назначения,
раз опускают в ящик.

Фамилия, имя отчество,
даты рожденья и смерти,
всё остальное — прочерк,

иллюзия одиночества
письма в земляном конверте,
лежащего среди прочих.

А еще в книге живет очень много масок. Понятно откуда: перемены в пандемию коснулись всех, и чем насыщеннее были прежние дни, тем тяжелее переносить вынужденную остановку жизни. И жизнь эта, оказывается, очень даже конечна по своей сути. Оттого синяя медицинская маска делается (или хотя бы кажется) маскою смерти.

Кроме того, на фоне общей вынужденной приторможенности, очевидней делаются явные патологии. Оказывается, в автобусе маршрута М8, Дангауэровка — Китайгород, регулярно ездят «Чокнутый» и «Чокнутая» из одноименных стихотворений. Эти ненормальные там, в транспорте, конечно, присутствовали всегда, но их не замечали в общей суете. Сразу возникает законный вопрос: а была ли прежняя жизнь так уж хороша? Вернуть ее, безусловно, хочется, но дальше что? Опять все по кругу?

* * *

Господи, когда же это кончится,
эта жизнь, повернутая вспять?
Никого расстраивать не хочется,
но боюсь, придётся нам опять

вспомнить, как же это было здорово:
шашлыки, подвыпивший народ.
Да, конечно, но боюсь, что скоро вам
станет ясно: это всё пройдёт.

Все пройдут, мертвы и безязыки,
канут, как истлевшие года.
А таджики? Ну а что таджики?
Даже и они не навсегда.
<...>

Так давай, синичка, там, на деревце,
песенку нам крайнюю готовь,
пой о том, что не на что надеяться.
Всё пройдёт и всё вернётся вновь.

Как-то не слишком оптимистично звучит обещание в финальной строке. Что вернется-то? Правильным ли был мир «старой нормальности» при взгляде на него чуть издали?

Словом, не в пандемии, разумеется, дело. Нечто переменялось в мире чуть раньше и гораздо радикальней. Одно из лучших стихотворений книги, наполненной отличными стихами, — об этом.

* * *

Что случилось в это лето,
я и сам не знаю,
но пластиночка «жиллета»
изогнулась с краю,

изогнулась, притупилась,
ржавчиной покрылась.
От чего, скажи на милость,
это приключилось?

Может, стал я реже бриться
и седины красить...
Да ведь юные девицы
смотрят не на нас ведь.

Им-то ведь плевать по ходу
на тревоги-беды,
что всё глубже год от года
сон после обеда....

Стихотворение напоминает начало триллера вроде «Матрицы»: отчетливо представляешь, как в кадре само собою изгибается лезвие.

Жутковато.

Есть разница с фильмом: базовые перемены коснулись не физических законов мира, а биосоциальных. В какой-то момент видимая часть Ойкумены оказалась переполнена витальностью настолько, насколько ею были переполнены прежние стихи Гуголева. Жизненная энергия в своих разных видах была ключом, а счастья не было. Очевидно, настало время остановиться, оглянуться.

Лет пять назад сделалось весьма известным философское движение «спекулятивного реализма». Точнее прочих упомянутое явление определяет такая емкая цитата: «За этим термином стоит множество философов и философий, порой довольно сильно разнящихся, но имеющих общего противника — философскую традицию, восходящую к Иммануилу Канту и связывающую воедино человеческое сознание и окружающую действительность: одно невозможно представить без другого, и человек замкнут в этом круге»¹. То есть человек, приученный семьей, социумом, интернетом, бизнес-тренерами, корпоративной рекламой и всем окружением к мысли, что он равноправная часть вечной ризомы, вдруг задумывается в очередной раз: а если мир без меня существует? а может, и я тогда настоящий? и умирать придется не в компьютерной игрушке, а насовсем?

¹ Стас Наранович. Тенденции-2016. Спекулятивный реализм. — Горький медиа, 26 декабря 2016 г. <https://gorky.media/context/tendentsii-2016-spekulyativnyj-realizm/>

Бывают такие периоды, когда хорошо известные человечеству вещи, повторенные на новом витке цивилизации, приобретают характер откровения.

Реакция может быть самой разной. Близкий к идеям спекулятивного реализма философ Бен Вудард написал книгу «Динамика слизи»¹. Посвящена та книга «грибовидному ужасу жизни». Именно жизни как факта. Жизни в своей первичности. Того, чем века три подряд было принято восхищаться, как «высшей формой организации материи». А теперь всё не так. Тут опять лучше цитатой: «... случилось нечто весьма отвратительное — гадкая штука под названием “жизнь”. Нечто такое, что будет заполнять пространство, пока космос не остынет настолько, что всякая новая связь станет невозможна. И тогда — жизнь найдет свое завершение в океане гниения, который изольется в безграничную пустоту угасания»².

Конечно, мысль не самая оригинальная. В исторически обозримом прошлом сходные идеи высказывал биограф и во многом — идеолог обэриутов Леонид Липавский. О параллелях его книги «Исследование ужаса» и вудардовской «Динамики слизи» пишет, к примеру, Антон Заньковский³.

Разумеется, я не говорю о прямом (обратном, взаимном), непосредственном влиянии перечисленных в предыдущих трех абзацах идей и персон на поэтику Юлия Гуголева. Но умные мысли, правда ж, приходят сразу во многие умные головы. И чувства, видимо, тоже.

Напомним: той самой примитивной, неприглядной, в каком-то смысле исходной, слабой и откровенной жизни Гуголев в стихах не избегал и не избегает. Изменилась символика образов. Их эсхатологический потенциал, если так можно сказать.

Как ни странно, такие перемены не только интересны, как интересна авторская динамика в принципе, но еще и весьма оптимистичны для читателя. Раз уж упомянули обэриутов, вспомним: их «веселье висельников», их выходки, «как в последний раз», предшествовали войне и были современниками террора. А когда есть возможность спокойного, трезвого взгляда на действительность, пусть взгляда и не слишком веселого, — так отчего бы такой возможностью не воспользоваться? В конце концов, «сколько на свете кромешного ужаса, /каждый решает сам», как написал Гуголев в прочитанной нами книге.

¹ Бен Вудард. Динамика слизи. — Пермь: Гиле Пресс. 2016 — 84 с.

² Алексей Бородкин. Гадкая штука под названием жизнь. О книге Бена Вударда. — Сигма. 16 декабря 2016 г. <https://syg.ma/@alexey-borodkin/gadkaia-shtuka-pod-nazvaniem-zhizni-o-knighe-biena-vudarda-dinamika-slizi-zarozhdeniie-mutatsiia-i-polzuchiest-zhizni>

³ Антон Заньковский. Онтологическая революция слизи. — «Логос», 2018, Т. 28, № 2.